
ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

Психолингвистические аспекты речевого воздействия психоаналитика

Е. В. Аверская

Аверская Евгения Викторовна – выпускница МГПУ, Школы практического психоанализа Н. В. Майн, студентка Института психологии и психоанализа на Чистых прудах, психоаналитически ориентированный психолог.

Данная статья посвящена анализу оснований общепсихологической теории деятельности, теории речевой деятельности или отечественной психолингвистики, теории профессионального общения. Рассматриваются ключевые идеи теории и практики современного психоанализа. В статье обосновываются идеи рассмотрения психоанализа и психоаналитической терапии как особого вида знаковой деятельности. Описываются задачи организации совместной деятельности и общения между психоаналитиком (психотерапевтом) и анализандом, аспекты речевого взаимодействия, роль языка в достижении целей психоанализа и психоаналитической психотерапии. Анализируются психолингвистические характеристики речевого воздействия психоаналитика (психоаналитического психотерапевта). Статья написана на основе работ представителей отечественной психолингвистики: А. Н. Леонтьева, А. А. Леонтьева, Е. Ф. Тарасова, С. В. Мыскина, психотерапевтов И. В. Журавлева и Ю. В. Журавлевой, а также на основе работ представителей психоанализа: А. В. Россохина, Л. И. Фусу, Ж. Лакана, Р. Р. Гринсона, Б. Джозеф, П. Совэр, Н. В. Майн и многих других авторов.

Ключевые слова: речь, язык, общение, психоанализ, психотерапия, психолингвистика, теория деятельности, бессознательное, психоаналитик, совместная деятельность, сотрудничество, коммуникация.

У субъекта существует побудитель, направляющий его активность во внешнем мире, – тот стимул, что воплощается в плане некоторой для субъекта потребности, следовательно, мотивации его деятельности. «Согласно А. Н. Леонтьеву, предметом психологии является деятельность субъекта по отношению к действительности, опосредованная отображением этой действительности (ее образом в сознании)» (Журавлев, 2018, с. 92). Пусть наши истинные мотивы нами и не всегда осознаются, но тем не менее мотивы заставляют нас разбивать свою деятельность на отдельные действия, направленные на достижения каждой конкретной осознанной цели. В психоанализе концептуальность влечения означает «первопричину всех психических процессов» (Фусу, Еремин, 2002, с. 9), символизируя, во французской школе психоанализа, всю живость и конфликтность природы человеческой души.

Лингвофилософская концепция В. Гумбольдта рассматривает феноменологию языка так: «Язык есть не продукт деятельности (Ergon), а деятельность (Energeia). Его истинное определение может быть поэтому только генетическим. Язык представляет собой постоянно возобновляющуюся работу духа, направленную на то, чтобы сделать артикулируемый звук пригодным для выражения мысли» (Гумбольдт, 2000, с. 70). Мысль облекается в речевую форму, наряду с этим речь оказывается основой языка и высшей функцией познавательного психического процесса субъекта.

В отечественной психолингвистике (теория речевой деятельности), созданной на базе работ А. А. Леонтьева (Тарасов, 1987, с. 95), объяснительной силой которой послужила общепсихологическая теория деятельности А. Н. Леонтьева (Леонтьев, 1977), вся совокупность человеческих действий делится на речевые и неречевые виды действий, а также специфическая регулируемая сознанием целеустремленная активность человека носит общественный характер, ведь по своему происхождению данная деятельность является исключительно совместной и социальной. Определенные действия мы тогда называем речевыми, когда речь как отдельное действие позволяет достичь необходимой цели и иначе, нежели пользуясь речью, достичь образа желаемого конечного результата мы не в состоянии.

Основополагающим аспектом отечественной психолингвистики выступает следующий постулат: речь используется человеком для установления и поддержания сотрудничества с другим человеком. При этом важно подчеркнуть, что бесцельной речи люди не имеют, ведь посредством языковых знаков мы воздействуем на психологическое состояние собеседника, регулируя его поведение, тем самым вовлекаем его в совместную деятельность.

Одним из инструментов психоаналитика и психоаналитического психотерапевта является слово, аналогично и аналитик (терапевт) ожидает этого от пациента (анализанда), согласно правилам свободного ассоциирования. Ребенок с момента появления на свет, как подчеркивает Ф. Дольто, «является не *infans*, что означает "не имеющий права на речь", но языковым существом, субъектом для самого себя, в строгом соответствии

с традицией психоанализа, считающего пациента субъектом собственных бессознательных желаний» (Материалы..., 2006а, с. 148).

В отечественной психологии общения, сформированной А. А. Леонтьевым, «общение рассматривается как процесс, направленный на организацию совместной деятельности общающихся личностей; при этом общение как таковое понимается как особый вид деятельности», замечает Ю. В. Журавлева (Журавлева, 2018, с. 72–73). Согласно Е. Ф. Тарасову, «совместная деятельность включает в себя общение сотрудничающих коммуникантов, обслуживаемое языковыми и неязыковыми знаками» (Мыскин, 2020, с. 54). Общение – это сложный многоплановый процесс установления и поддержания контактов между людьми, участниками общения и группами, порождаемый потребностями в совместной деятельности участников. Психолингвистический подход к общению подразумевает анализ текста как продукта речемыслительной деятельности субъекта. Используя понятие «знакового овнешнения» (Мыскин, 2020, с. 55), психолингвистика подразумевает, что речь позволяет проявлять внутрипсихические процессы онтологического статуса субъекта.

Определенный спектр своих мотивов люди не могут достичь, действуя в одиночку. Это касается, например, самопознания. «На основе эмоционально окрашенного взаимодействия с внешним миром и воспоминаний о нем у ребенка формируются психические репрезентации себя, других людей и взаимодействия с ними» (Тайсон Ф., Тайсон Р. Л., 2013, с. 45). Тем самым, поскольку субъект конституируется во всем многообразии опыта интеракций с другим, можно утверждать, что и понять, изменить себя можно также в рамках взаимодействия с другим. Ввиду наличия различий в психических структурах субъекта в психоанализе мы подразумеваем разные качественные постулаты общения. Так, если Я субъекта невротического типа функционирования является целостным и его пересечение с объектом не является ни тотальным, ни всеобъемлющим для него, то психическая оболочка Я лиц с доэдипальной проблематикой имеет трещины и проломы, что способно усугубить наличие прерывистых отношений с другим, ставя под вопрос константность объекта и слабого Я.

«В процессе общения человек познает не только мир, но и самого себя», – пишет В. В. Знаков (Знаков, 2005, с. 52). По мнению А. А. Потебни, «слово есть настолько средство понимать другого, насколько оно средство понимать самого себя» (Потебня, 1892, с. 138). Индивиды с развитым высоким уровнем личного самосознания чаще обращаются к своему внутреннему миру, они характеризуются повышенной потребностью делиться с людьми чувствами и мыслями. Углубленный самоанализ обычно приводит не к социальной изоляции, а к большей удовлетворенности людей взаимоотношениями. Раскрытие своего внутреннего мира другому способствует более глубокому самопознанию. Языковые символы людям необходимы не только для поддержания связи с внешним миром, но также и для установления внутренней коммуникации.

Главным императивом идентичного понимания одного и того же коммуникативного акта является общее представление о функциональных

и системных качествах культурных предметов. Иными словами, эффективное общение возможно при владении коммуникантами общими основами знаковой системы, разделении норм и правил человеческой деятельности, общих знаний и психических образов мира. Мы не можем рассчитывать на взаимопонимание, если в ходе деятельности общения оперируем знаками, недоступными для понимания реципиентом. Правилom успешного сотрудничества может стать также ответ на вопрос, что представляют из себя мотивационно-потребностная и эмоционально-чувственная сферы душевной жизни адресата. Общение устанавливает ту деятельность, внутри которой индивиды достигают нужного себе результата, действуя сообща, используя едино понимаемые термины, соответствующие их общей предметной деятельности.

В свою очередь И. В. Журавлев и Ю. В. Журавлева, беря за основу разработки общепсихологической теории деятельности и производной от нее теории речевой деятельности, предлагают рассматривать психотерапию как совместную деятельность между терапевтом и клиентом. В рамках данного угла зрения рассматривается речевое воздействие на сознание клиента, производимое психотерапевтом в терапевтических целях, и, учитывая «роль механизмов знакового опосредования» (Журавлев И. В., Журавлева Ю. В., 2019, с. 39) человеческой деятельности, семиотической составляющей процесса общения, психотерапию можно расценивать как особую знаковую деятельность. Нам же представляется возможным, вслед за авторами, сопоставить психоанализ и психоаналитическую психотерапию как особый специфический вид совместной знаковой деятельности и деятельность профессионального общения.

Люди так устроены, что редко способны слышать свою речь со стороны, именно потому язык психоаналитика – это искусство перевода бессознательного анализанда на язык сознания. Самопознание происходит в диалектическом общении между психоаналитиком (психоаналитическим психотерапевтом) и пациентом (анализандом). Те словесные репрезентации, что отсутствуют в предсознательной системе психики пациента, находятся в психическом пространстве аналитика и могут быть переданы первому в момент, когда аналитическое поле будет способно принять их и интегрировать. Соединение аффекта пациента и репрезентации аналитика служит конечной целью психоаналитического общения двух психик. «Химера, являющаяся смесью обоих участников диады – продуктом, полностью не принадлежащим ни одному, ни другому, создается аналитиком во время сеанса посредством "парадоксального способа функционирования", когда он становится периферией сознания пациента» (Французская психоаналитическая школа, 2005, с. 23).

В рамках метапсихологического взаимодействия коммуникантов важно символизировать нарративную историю жизни субъекта, достигая регистра повествования, поскольку мы понимаем собственные переживания в случае, когда формируем их в языке. Смыслы рождаются в процессе обсуждения. Психоанализ представляется также искусством толкования текста, в чем сближается с наукой герменевтикой (Рикер, 1995).

Для данного аспекта З. Фрейд снабжает нас правилом равно распределенного внимания – расфокусированным, не сосредоточенным на чем-то лишь одном, ввиду того что «если при выборе следуешь своим ожиданиям, то рискуешь никогда не найти чего-то другого, отличного от того, что уже знаешь; если следуешь своим наклонностям, то, несомненно, будешь искажать возможное восприятие. Нельзя забывать о том, что чаще всего приходится слышать вещи, значение которых становится понятным только впоследствии» (Совер, 2020). И, несомненно, помимо работы с речью в психоанализе и психоаналитической психотерапии коммуниканты имеют дело с краеугольным концептом психоанализа – переносом. Трансфер будет подталкивать аналитика к определенному действию с целью уменьшения постоянно возникающего в общении эмоционального напряжения. Нарушение профессиональной этики общения начинается тогда, когда аналитик перестает думать и начинает агитировать.

Переживание прошлого во время сеанса, проявляющееся в трех модальностях, объектной, либидной и нарциссической регрессии, вводит в действие закономерности регрессионного движения, что «происходит либо как возвращение к предшествующему состоянию, либо к фантазму возвращения к первоисточкам происхождения» (Французская психоаналитическая школа, 2005, с. 130). Регрессионное мышление использует работу психической изобразимости, трансформируя анализируемый материал в образы, которые можно будет использовать в продуктивной аналитической работе. Нередко в аналитическом процессе мы сталкиваемся с необходимостью прорабатывать психическую боль, к тому же непостижимую для анализанда (Джозеф). Здесь подчеркивается значимость механизмов проективной идентификации и контейнирования, при этом принимая ценность умения выдерживать аналитиком свое незнание. Аналитик неоднократно встречается с переживаниями анализанда, находящимися за пределами слов, потому что «они нерепрезентируемы психически, он понимает их, опираясь лишь на возникающие в нем контрпереносные чувства» (Материалы..., 2006б, с. 33).

«Человек есть человек, поскольку он отдан в распоряжение языка и используется им (языком), для того чтобы говорить на нем» (Михайлов, 1990, с. 22). Согласно М. Хайдеггеру, «[...] бытие говорит повсюду и всегда, через всякую речь» (Хайдеггер, 1991, с. 63). Для Ж. Лакана язык тесным образом связан с системой бессознательного. Закон человека есть закон языка, а также «[...] конституирующим является именно акт речи» (Лакан, 1998, с. 305) желающего субъекта. Не сводя речевое общение к механистическим движениям, он указывает: «Речь по сути своей является средством получения признания» (Лакан, 1998, с. 313). Речь существует тогда, когда есть кто-то, способный ее понять и привести к ментальному присутствию той вещи, что сейчас в объективной реальности отсутствует.

При помощи интерпретации анализанд получает доступ к своему бессознательному, когда «речь не используется в качестве защиты от введения бессознательного материала в Эго-организацию» (Антология современного психоанализа, 2000, с. 315). В эти моменты общения «аналитик

в своей вербальной коммуникации передает пациенту более высокую организацию материала, обладавшего до этого низкой организацией» (Антология современного психоанализа, 2000, с. 316). Как отмечает К. Жан-Строклик, в психоанализе важно «научить пациента использовать речь как проявление мнестических следов первичных телесных опытов в концепции мышления, укорененного в теле» (Уроки психоанализа..., 2016, с. 270), однако не менее важным представляется то, что аналитик не приносит собственное Я в анализ. Целью психоанализа, с позиции автора, является трансформация материала пациента в элементы, создающие мысли, для достижения которой психоаналитик находится в материнской роли «психического переваривания» (Уроки психоанализа..., 2016, с. 270), которое позволяет создать галлюцинаторное измерение, в прошлом отсутствующее.

Зачастую специалисту приходится работать с зонами негатива, психической травматизацией пациента. Самой тяжелой травмой в психоанализе представляется то событие, о котором невозможно говорить. Гораздо большим по сложности считается негативное мышление, при котором «во внутреннем мире происходит эвакуация внутриспсихических представлений» (Материалы..., 2006б, с. 122). Радикальный катексис аннулирования ментализации приводит к сдвигу в массивную деструктивность, восстановить которую возможно только при длительной и плодотворной деятельности общения, улучшающей психическую экономику жизни обратившегося за помощью субъекта. Психоанализ и психоаналитическая психотерапия позволяют субъекту восстановить свою историю, принадлежащую прошлому, и, как следствие, дают больше свободы в формировании им своей идентичности (Тарабрина, Майн, 2013, с. 112).

Психоаналитик или терапевт, придерживающийся парадигмы психоаналитического направления, говорит на общем с реципиентом языке. Таким образом если пациент приносит в кабинет аналитика свою детскую часть и посредством речи являет пространство своих инфантильных фантазий, то оперирование аналитиком научными понятиями будет выглядеть весьма ошибочным отражением. Осуществляя деятельность общения, партнеры регулируют эмоциональное состояние друг друга, и адресант способен трансформировать психологический порядок адресата. Если пациент обращается за помощью и ему важно избавиться от страдания в надежде изменить свою жизнь, то от аналитика (терапевта) ожидается понимание, умение видеть жалобы и желания, формировать ассоциативные связи между различными частями дискурса. Как отмечает Мыскин С. В., «речевая деятельность субъекта совместной деятельности, таким образом, подчинена следующей цели – изменению психологического состояния партнера» (Мыскин, 2019, с. 16). Интерпретация и акт работы по связыванию оказываются интегративным творческим актом, вбирающим в себя бессознательную информацию о том, что было воспринято, о том, как это было воспринято, а также информацию о том, что не было воспринято.

Прочими интервенциями аналитика (терапевта) принято считать отзеркаливание, прояснение, конфронтацию, конструкцию. Специалист задает

вопросы, проясняет неясные моменты и детали, повторяет услышанные фразы пациента, порой с иной интонацией, возвращает собеседнику им сказанное, обращает внимание пациента на его противоречивые желания и намерения, предпринимает попытки воссоздать целостную связанную картину элементов жизни анализанда. А. Ферро описывает психоанализ как «создание историй» (Ферро, 2007). Контрпереносные реакции диагностически анализируются специалистом и используются им для построения актов речевого высказывания.

С. М. Федорова, А. В. Россохин дают эмпирическое обоснование психолингвистического анализа основ интрапсихической динамики личности, проводимого в ходе психоаналитического общения (Россохин, Федорова). Рассмотрим вклад отечественной школы психолингвистики и теории профессионального общения, которая может быть применима к общению психоаналитика и анализанда. Реализация психолингвистических задач речевого общения (Соснова, 2010, с. 72–74) начинает раскрываться через первостепенную задачу – привлечение непроизвольного внимания партнера по общению. Если внимание субъекта привлекает образ, выделяющийся из фона, то можно считать, что согласно действию бессознательных процессов пациент выбрал конкретного специалиста для общения с ним. Ни один дискурс не рождается на пустом месте, произошло некое событие, но имеющихся ресурсов на его переработку субъекту не хватает. Вторая задача удержания внимания, или, иными словами, привлечения произвольного внимания, в свою очередь решается через информирование о методологии психоаналитического общения и установление аналитической рамки коммуникации. Такие психолингвистические категории, как «ориентирование собеседника в себе», а также «ориентирование в собеседнике», предполагают использование аналитических инструментов общения согласно этическим правилам конкретной школы психоанализа. Немаловажным является и соблюдение соотношения социальных статусов общающихся субъектов: носитель определенной социальной роли ожидает по отношению к себе строго определенного речевого и неречевого поведения. Заключительную психолингвистическую ступень выполняет создание благоприятной атмосферы общения, побуждающей пациента к символизации и являющейся наиболее адекватной основным целям общения. Группа задач организации совместной деятельности состоит из актуализации потребности партнера, предложения предмета-мотива, удовлетворяющего потребность, и ориентирования в предлагаемой совместной деятельности (Журавлев, 2020, с. 19), что более-менее точно соотносится с описанными выше психоаналитическими механизмами.

Вторичный процесс (речь и мышление) в психике анализанта должен взаимодействовать с первичным процессом (фантазмы, сновидения, аффекты) и артикулировать последние, тогда как роль психоаналитика – помочь анализанду услышать вклад бессознательных первичных процессов и научить реципиента способности находиться в контакте со своим бессознательным. Довольно часто одинаковыми словами клиент описывает разные события жизни, сам не обращая внимания на подобные связи.

Ему важно не отрезать от себя свое бессознательное, не выкидывать свою детскую часть из всего многообразия внутриспсихической жизни, а дать право на гражданство живости психосексуальности с последующей перспективой получения удовольствия от проживаемого бытия. «В том пространстве, где встретятся Я и Оно, должно возникнуть Иное» (Россохин, 2020, с. 48).

Как же общается психоаналитик (психоаналитический терапевт)? Он говорит нейтрально и безоценочно, он допускает, что может быть не прав и ошибается, а также дает пациенту шанс избежать осуждения. Он не скажет, что пациент чувствует, например, стыд или обязательно вину, но задастся подобным вопросом. Семантический фон общения выстраивается исходя из словесных оснований самого анализанда, а слово аналитика призвано актуализировать образы и картинки прошлого в жизни его партнера по общению, имея своей целью привнести в пространство сотрудничества новый клинический материал. Косвенный стиль коммуникации, детерминированный нейтральным и уважительным отношением, подразумевающим аффилятивный и ненастойчивый стиль дискурса, создает атмосферу безопасности и доброжелательности, ориентируясь на особенности реципиента. Например: «Вы, кажется, избегаете своих чувств ко мне» или «Вы, кажется, боитесь рассказать мне открыто о том-то и том-то» (Гринсон, 2018, с. 300). Лавируя между нужным количеством лексических единиц, он приглашает ассоциировать и фантазировать. Молчание, поза, интонация психоаналитика тоже несут послание; выбор интервенции всегда имеет бессознательное основание, которое коренится в контрпереносе и аналитической позиции.

Пациенты многообразно воспринимают речевые интервенции аналитика. Пусть аналитик говорит что угодно, только не молчит, когда наступает момент ненасытной жажды материнского молока; субъективно пациент чувствует принуждение говорить, словно продуцировать анальный объект с одновременным желанием упрямыться или восприятием интервенций в свой адрес как анального вторжения; возвращение фаллических фантазий может проявиться в анализе через стремление к соперничеству или власти инцестуозного соблазна. Словам аналитика полагается произвести воздействие, но не шокировать анализанда, задействуя убедительный тон голоса, «...чувствительность к тону и интонациям является производным самых ранних объектных отношений, когда сепарационная тревога играла основную роль» (Гринсон, 2018, с. 394).

Психоанализ позволяет помыслить то, что ранее не могло быть помыслено, сделать видимым нечто, что в повседневности до этих пор было скрыто. Психоанализ начинается тогда, когда слово слышимое становится словом видимым. Без помощи другого не представляется возможным избавиться от страдания, равным образом бессознательное аналитика становится контейнером для переработки сырого архаичного материала бессознательного анализанда. Этот другой (психоаналитик, терапевт) не являлся участником произошедших событий и не был сторонним наблюдателем, однако все происходящее в его кабинете, речевое и неречевое поведение, несет в себе нужный смысл. И он не станет оценивать

или «поправлять» мнестические следы психической реальности участника события, ему важно уметь слушать всем телом и слышать собеседника, вдобавок предоставляя обратную связь, дающую представление о том, что с пациентом происходит, ведь то, что человек не может вербально обозначить и артикулировать, он и не воспринимает сознательно.

Быть может, пациент обращается к такому специалисту за главной для себя мотивацией – быть услышанным. Быть может, только психоаналитический процесс позволяет ему найти того партнера по общению, который способен его понять и выслушать. В такой перспективе аналитическое поле становится единственной гаванью, посредством которой можно будет найти в себе ресурсы для психической трансформации. Когда от психоаналитика ожидается способность заметить то, что сам человек не способен в себе заметить.

По мысли Р. Гринсона, искусство общения аналитика заключается в его умении переводить в слова неосознаваемые мысли, чувства, намерения, фантазии анализанда и, впоследствии, сообщать их ему так, чтобы он их воспринял как свои собственные (Гринсон, 2018, с. 405). Таким образом в контексте аналитического речевого воздействия ткется живая психическая ткань бытия субъекта.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Антология современного психоанализа. Т. 1 / Под ред. А. В. Россохина. М.: издательство «Институт психологии РАН», 2000. 488 с.
2. Гринсон Ральф Р. Техника и практика психоанализа. М.: Когито-Центр, 2018. 478 с.
3. Гумбольдт В. Фон. Избранные труды по языкознанию / Общ. ред. Г. В. Рамишвили; послеслов. А. В. Гулыги и В. А. Звегинцева. М.: ОАО ИГ «Прогресс», 2000. 400 с.
4. Джозеф Б. О переживании психической боли [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://psychic.ru/articles/modern/modern38.htm> (дата обращения: 25.08.2021).
5. Журавлев И. В. Психология за минуту. М: АСТ, 2018. 160 с.
6. Журавлев И. В. Теория речевого общения Е. Ф. Тарасова: методология и перспективы развития // Вопросы психолингвистики. 2020. № 2 (44). С. 16–26.
7. Журавлев И. В., Журавлева Ю. В. Основы теории психотерапевтического общения // Организационная психолингвистика. 2019. № 1 (5). С. 34–65.
8. Журавлева Ю. В. Иррациональные идеи в профессиональном общении // Организационная психолингвистика. 2018. № 2 (2). С. 71–84.
9. Знаков В. В. Психология понимания: Проблемы и перспективы. М.: Институт психологии РАН, 2005. 448 с.
10. Лакан Ж. Семинары. Кн. 1: Работы Фрейда по технике психоанализа (1953/54) / Пер. с фр. М. Титовой, А. Черноглазова (Приложения). М.: ИТДГК «Гнозис», «Логос», 1998. 432 с.
11. Леонтьев А. Н. Деятельность. Сознание. Личность. Изд. 2-е. М.: Политиздат, 1977. 304 с.

12. Материалы Международной психоаналитической конференции. 16–17 декабря 2006 г. Москва / Под ред. А. Н. Харитоновой, П. С. Гуревича, А. В. Литвинова. В 2 т. Т. 1. М.: Русское психоаналитическое общество, 2006а. 421 с.
13. Материалы Международной психоаналитической конференции. 16–17 декабря 2006 г. Москва / Под ред. А. Н. Харитоновой, П. С. Гуревича, А. В. Литвинова. В 2 т. Т. 2. М.: Русское психоаналитическое общество, 2006б. 503 с.
14. *Михайлов А. В.* Мартин Хайдеггер. Человек в мире. М.: Московский рабочий, 1990. 48 с.
15. *Мыскин С. В.* Концепция организационной психолингвистики // Вестник МГЛУ. Гуманитарные науки. Вып. 4 (820). 2019. С. 11–22.
16. *Мыскин С. В.* Структура и содержание профессионального общения // Вопросы психолингвистики. 2020. № 1 (43). С. 54–63.
17. *Потебня А. А.* Мысль и язык. Изд. 2-е. Харьков, 1892. 228 с.
18. *Рикер П.* Герменевтика и метод социальных наук / Герменевтика. Этика. Политика. Московские лекции и интервью. М.: Изд. центр Academia, 1995.
19. *Россохин А. В., Федорова С. М.* Психолингвистический анализ интрапсихической динамики личности в процессе психоанализа // Вестник Московского университета. Серия 14: Психология. Изд-во Моск. ун-та (М.). № 1. С. 115–123.
20. *Россохин А. В.* Интерпретации в психоанализе: там, где было Я и Оно, должно стать Иное. Журнал клинического и прикладного психоанализа. 2020. № 1(1). С. 5–51.
21. *Совэр П.* Фрейд, Салливан и аналитическая позиция // Журнал практической психологии и психоанализа. 2020, № 2.
22. *Соснова М. Л.* Тренинг коммуникативного мастерства. М.: Академический проект, 2010. 265 с.
23. *Тайсон Ф., Тайсон Р. Л.* Психоаналитические теории развития / Пер. с англ. М.: Когито-Центр, 2013. 407 с.
24. *Тарабрина Н. В., Майн Н. В.* Феномен межпоколенческой передачи травмы // Консультативная психология и психотерапия, 2013. № 3. С. 96–119.
25. *Тарасов Е. Ф.* Тенденции развития психолингвистики. М.: Наука, 1987. 168 с.
26. Уроки психоанализа на Чистых прудах. Сборник статей приглашенных преподавателей [Текст]. М.: ИД «Наука», 2016. 312 с.
27. *Ферро А.* Психоанализ: создание историй / Пер. А. В. Казанской и Е. А. Кисловой. М.: Независимая фирма «Класс», 2007. 232 с.
28. Французская психоаналитическая школа / Под ред. А. Жибо, А. В. Россохина. СПб.: Питер, 2005. 576 с.
29. *Фусу Л., Еремин Б.* Фрейдовские теории психического аппарата и их использование в психоанализе. М.: Золотой теленок, 2002. 80 с.
30. *Хайдеггер М.* Разговор на проселочной дороге: Сборник / Под ред. А. Л. Доброхотова. М.: Высш. шк., 1991. 192 с.

Psycholinguistic Aspects of Speech Influence of a Psychoanalyst

E. V. Averskaya

Averskaya Evgeniya V., graduate of Moscow City University, graduate of school of practical psychoanalysis by N.V. Main, student of Institute of Psychology and Psychoanalysis on Chistye Prudy, psychoanalytically oriented psychologist.

This article is devoted to the analysis of the foundations of the general psychological theory of activity, the theory of speech activity or domestic psycholinguistics, the theory of professional communication. The key ideas of the theory and practice of modern psychoanalysis are considered. The article substantiates the ideas of considering psychoanalysis and psychoanalytic therapy as a special kind of symbolic activity. The tasks of organizing joint activities and communication between a psychoanalyst (psychotherapist) and an analysand, aspects of speech interaction, the role of language in achieving the goals of psychoanalysis and psychoanalytic psychotherapy are described. The psycholinguistic characteristics of the speech influence of a psychoanalyst (psychoanalytic psychotherapist) are analyzed. The article is based on the works of representatives of Russian psycholinguistics: A.N. Leontiev, A.A. Leontiev, E.F. Tarasov, S.V. Myskin, psychotherapists I.V. Zhuravlev and Yu.V. Zhuravleva, as well as on the basis of the works of representatives of psychoanalysis: A.V. Rossokhin, L.I. Fusu, J. Lacan, R.R. Greenson, B. Joseph, P. Sover, N.V. Main and many other authors.

Keywords: speech, language, communication, psychoanalysis, psychotherapy, psycholinguistics, activity theory, unconscious, psychoanalyst, joint activity, cooperation, communication.